

ЗИНАИДА ГИППИУС

«СОВРЕМЕННЫЕ
ЗАПИСКИ». КНИГА XXIV

Зинаида Николаевна Гиппиус «Современные записки». Книга XXIV

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26121443

Аннотация

«Когда выходит номер «Современных Записок», критика отмечает: «Книжка составлена блестяще». И это, большей частью, правда. Книжка на книжку не приходится, одна более удачна, другая менее, но каждая несомненно интересна. Журнал имеет свою душу, имеет свое не «направление», а гораздо больше – свое устремление воли. И это хорошо, потому что на его руководителях лежит громадная ответственность: ведь «Совр. Записки» сейчас единственный толстый журнал... во всей подлунной. Единственный «орган независимой мысли», как называли прежде, и впервые действительно не зависимой – ни от какой внешней цензуры. А русская трагедия, вследствие которой журнал выходит не в Москве, не в Петербурге, но в Париже, усилив свободолобие руководителей, заставила их раздвинуть и внутренние рамки, по сравнению, хотя бы, с недавним журналом «Заветы» (его редактировала почти та же группа лиц). Можно сказать, что «С. З.» – первый русский журнал, свободный и внешне, и внутренне...»

Зинаида Гиппиус

«Современные записки». Книга XXIV

Когда выходит номер «Современных Записок», критика отмечает: «Книжка составлена блестяще». И это, большею частью, правда. Книжка на книжку не приходится, одна более удачна, другая менее, но каждая несомненно интересна. Журнал имеет свою душу, имеет свое не «направление», а гораздо больше – свое устремление воли. И это хорошо, потому что на его руководителях лежит громадная ответственность: ведь «Совр. Записки» сейчас единственный толстый журнал... во всей подлунной. Единственный «орган независимой мысли», как называли прежде, и впервые действительно не зависимой – ни от какой внешней цензуры. А русская трагедия, вследствие которой журнал выходит не в Москве, не в Петербурге, но в Париже, усилив свободолобие руководителей, заставила их раздвинуть и внутренние рамки, по сравнению, хотя бы, с недавним журналом «Заветы» (его редактировала почти та же группа лиц). Можно сказать, что «С. З.» – первый русский журнал, свободный и внешне, и внутренне.

Свобода не исключает единства воли, и, конечно, предполагает свою меру самоограничения. Мы далее увидим, куда

устремлена эта воля и как соблюдается эта мера.

В художественном отделе XXIV книжки только две цельных вещи: трагедия «Самсон» Л. Андреева и незначительный рассказ Иванова. Бунин оканчивает свою повесть, Зайцев – свой длинный роман.

Прелестную, душистую повесть Бунина «Митина любовь» – не следовало делить: читатель выиграл бы, прочтя ее залпом. Окончание, взятое отдельно (перерыв ведь почти трехмесячный), может оставить впечатление некоторой грубости; нет первых глав, пронизанных волшебным, всепреображающим, нежным светом. Впрочем, Бунин – художник, образы которого не скоро бледнеют в памяти: магическое действие их длительно.

Роман Зайцева – окончен в тех же прозрачных, благостных тонах, в которых был начат. Благостность – вот главная отличительная черта этого художника. Все равно, какую бы тему ни взял он, – тема «Золотого Узора» трагична – трагедии у него нет. Связывается узел, – но не туго, тотчас сам расходится, от легкого, *благостного*, прикосновения руки. Быть может, это не настоящая, не последняя благость; не от силы, а от покорности. Но и в ней есть свое очарование. «Золотой Узор» – именно узор, нежное плетенье из тончайших нитей.

О рассказе Иванова мне сказать нечего, да почти нечего и о «библейской трагедии» Л. Андреева. Она мало отличается от других его пьес. Пожалуй, эта – одна из менее удач-

ных: безвкусице, от которого никогда не мог освободиться Л. Андреев, здесь очень заметно, особенно в ремарках; а условность языка, – в нее почти все впадают, принимаясь за пьесу из «древней» жизни, – порядком раздражает. Когда прекрасная Далила упорно изъясняется слишком высоким стилем: «Как побледнело твое дорогое лицо, о возлюбленный!», то уж перестаешь верить и в Далилу, и в возлюбленного, думаешь только о своем утомлении.

Ну, а все-таки это Л. Андреев, цветок, достойный находиться в букете «Совр. Записок».

Ходасевич, после своей талантливо-злой, яркой статьи о Брюсове, странно погас, в этой книжке, с Гершензоном. Кто виноват, Ходасевич или Гершензон, – не знаю; но рисунок вышел из фона. Должно быть, оба виноваты; в Гершензоне была эта «бесфонность», какая-то отщепленность от реальности и от смысла ее (да, и от смысла!). Ходасевич сам не чужд подобной же отщепленности – это его провалы, – и он бросился радостно навстречу Гершензону.

Тотчас они оказались вместе... где? о, конечно, в литературе, с Пушкиным, с его русалкой, с самыми высокими ценностями, но – вне России, вне трагедии, даже вне времени. В какой-то горькой легкости.

Шестов о том же Гершензоне написал тяжелее и глубже. Но Шестов всегда глубок, – глубок и страшен; к легкости он неспособен по природе.

Я не буду перечислять всех статей, вошедших в книж-

ку; меня интересует она в целом, и даже лик журнала в целом, – его задания и достижения. Отмечу прекрасно написанные очерки Талина. Его «Шкраб» (в 23 книжке) производит такое же потрясающее впечатление, как и рассказ Шмелева «Об одной старухе» (тоже в 23 книжке). Хотя Шмелев – «беллетристика», а Талин – только «правда», оба произведения мне кажутся «художественными». Должно быть, в наши дни все больше стирается грань между искусством и жизнью, или куда-то перемещается...

«Совр. Зап.» допускают самую широкую свободу в своем художественном отделе. Этим выполняется первое задание, – сберечь для России цвет ее культуры. И заметим, – к чести журнала, – что он старательно блюдет *меру* этой свободы и широты...

Но и широта, и ее мера, – очень волнуют пражскую «Волю России». Если искусство аполитично, то почему не открывают «С. З.» своих страниц советским «молодым росткам»? Что за подозрительное предпочтение «эмигрантщины»?

Не одно, впрочем, «искусство» беспокоит «Волю России», этот наш консервативнейший (в прямом смысле слова) журнал. Как охранитель традиций он не может допустить, чтобы и мысль двигалась не по традиционной колее. Так, определенно тревожит его внимание «Совр. Записок» к вопросам философии и религии (которое он даже называет «вступлением в брак с метафизикой...»).

Тревога, пожалуй, не напрасная: это внимание не обещает

ничего доброго охранителям традиций. Оно свидетельствует, что «Совр. Зап.» не хотят ограничить своей задачи одним культурным делом, но стремятся расширить задачу – быть может, вплоть до попытки *создания новой идеологии*. А при этих условиях нельзя, конечно, оставлять в стороне указанные вопросы.

XXIV книжка заканчивает полемику с Бердяевым о религиозном понимании свободы. Согласно культурному обычаю, редакция поместила ответ Бердяева на тех же страницах, где были напечатаны статьи его противников. К сожалению, ответ, слишком отвлеченный, а местами слишком взволнованный, мало внес нового. Степуну ничего не стоило, в остроумной своей отповеди, доказать, что спор ведется в разных плоскостях и что у Бердяева как бы не имеется настоящего времени, есть только прошедшее и будущее. Вишняк, со своей стороны, справедливо отметил неисцелимость бердяевского максимализма.

Политический отдел книг составлен, большею частью, интересно и разнообразно. В нем обращают на себя внимание, – крепостью тона, – статьи С. Ивановича; несколько односторонние – они всегда тверды и отчетливы.

Можно сказать, что «С. З.» везде, где только могут, стараются выдержать свою линию, несмотря на предостерегающие голоса традиционистов. Книжка на книжку не приходится, конечно, как час на час; всегда возможны ошибки, минутные перебои, как бы истончение избранной линии... Но нужно

ли говорить об этом? Без перебоев и задержек не обойтись. Слишком трудно положение этого первого русского свободного журнала, и слишком широки обе его прекрасные задачи: сохранить наши подлинные культурные ценности и найти новые идеологические обоснования для борьбы за свободу новой России.